

История села Реболы до 1939 года и страницы из жизни рода Хомонен

Автор: Лео Хомонен

Перевод: Анастасия Трифонова

**Издатель: зарегистрированное
объединение «Общество с. Реболы»
2006**

Больница села Реболы в 1941 году

Кюёттинены в д. Емельяновка (1910 – 1920 гг.) Слева - Сергей, в центре - Анна и Пекка, справа - Коной

Гармонист Вальде Ефимов, двоюродный брат Л. Хомонен, с неизвестными товарищами в 1920 – 1930 годы

Содержание

Возникновение постоянных поселений на территории Ребол	2
Столбовский мир 1617	2
Карта: динамика границ между Финляндией и Россией в 1323- 1947 гг.	3
Массовое бегство православных в 1617 - 1650 гг.	4
Бегство братьев Хомонен из Иломанси	4
Численность населения и количество дворов Ребольской волости в 1679-1850 гг.	5
Занятия ребольцев в 1597 – 1850 гг.	7
Собирание народной поэзии в Реболах	7
Решение о присоединении к Финляндии	8
Войска прикрытия и гражданское управление	9
Фотографии Кюёттинена, Нетсяйнена и Хоманена	10
Продовольственные товары и сельское хозяйство	10
Землевладение и лесоторговля	11
Тартуский мирный договор 1920 года	12
Большевики наступают	13
Начало коммунистического режима и эмиграция	14
Начало притеснений	16
Фотография старой ребольской церкви	18
Темпы репрессий нарастают	18
Беженцы в Финляндии	19
Фотография семьи Хоманен	20

Источники: Вейо Салохеймо «История Северной Карелии», Исмо Бьёрн «История Иломанси», «История села Реболы» под редакцией Хейкки Тарма (1922-1939 гг. - Ирина Такала, Петрозаводский Университет) и воспоминания Пекки Кюёттинена.

Возникновение постоянных поселений на территории Ребол

Расцвет племени карелов как самостоятельной этнической общности приходится на 1100-1200 годы. Соперничество Швеции и России привело в 1323 году к заключению Ореховецкого мирного договора, закрепившего разделение когда-то единых карельских земель. Реболы, расположенные на водоразделе по пути древних карелов к Белому морю, стали центральным пунктом на внутренней водной магистрали. Связь с Беломорьем, а также с Южной и Северной Карелией была естественной, благодаря обилию в ребольском крае проходимых рек и озер, стекающих через речку Лиексайоки в Финляндию к Пиелисярви. Первопоселенцы основывали на территории Ребол круглогодичные опорные пункты для поддержания в должном состоянии волоков, ведения торговли и занятий лесным промыслом. Вероятнее всего, родом они были из Северной Карелии и восточных районов Карельского перешейка, откуда происходят названия деревень Реболы, Ровкулы, Рууна и Туужение, а так же с западного побережья Белого моря.

Первые упоминания о Реболах встречаются в показаниях кексгольмского Ноусиа Рудзи, датированных 1555 годом, и в окладной книге Иломанского погоста за 1571 год, где кроме самих Ребол упоминаются также деревни Ровкулы и Луовутсаари. Согласно шведским источникам, в 1593 году на территории Ребол было 166 дворов. В окладной ведомости Иломантси за 1590 год встречается также упоминание о ребольской часовне, однако, уже в 1610 году о ней ничего не говорится. В 1611 году шведскими войсками было сожжено 7 деревень ребольской волости. Местные жители, вероятно, спасались в лесах и, вернувшись в родные деревни, быстро отстроились заново. Численность населения росла и за счет переселенцев из страдающего под шведским гнетом Кексгольмского лена, поскольку за 7 лет количество дворов на территории Ребол увеличилась до 200.

Столбовский мир 1617

По Столбовскому мирному договору, заключенному в 1617 году, Кексгольмский лен перешел во владения Швеции. Это событие, как никакое другое, самым кардинальным образом изменило жизнь Северной Карелии. Данная территория оказалась в сфере влияния государства и культуры, коренным образом отличающихся от государства и культуры, где она развивалась ранее. Начались радикально новые веяния в духовной и материальной областях.

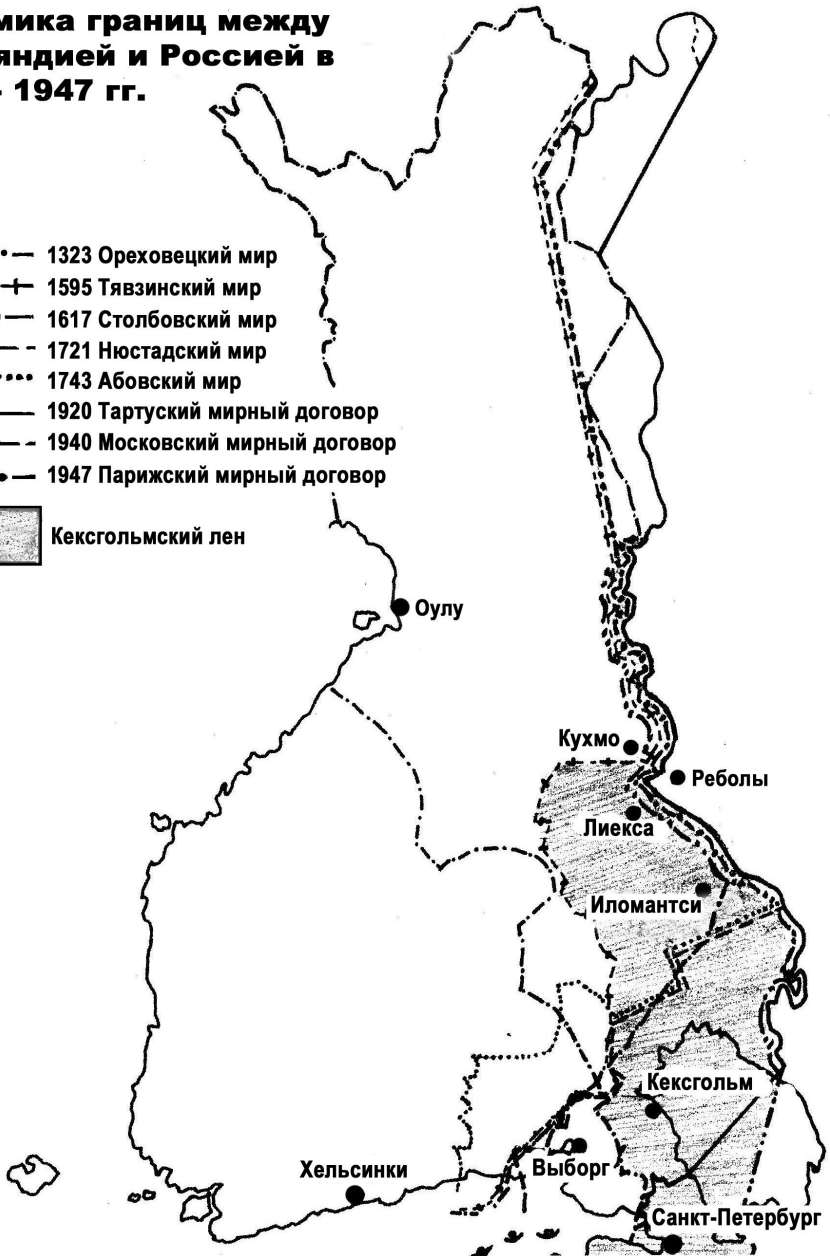
Местное население столкнулось с множеством противоречий и даже подверглось религиозным преследованиям, повлекшим за собой массовое бегство карел из этих мест.

Динамика границ между Финляндией и Россией в 1323 - 1947 гг.

- 1323 Ореховецкий мир
- + - + - + 1595 Тязвинский мир
- 1617 Столбовский мир
- - - - - 1721 Нюстадский мир
- 1743 Абовский мир
- 1920 Тартуский мирный договор
- - - - - 1940 Московский мирный договор
- 1947 Парижский мирный договор

Кексгольмский лен

Демаркация границы породила долгие споры о государственной принадлежности Ребол и Поросозера. Швеция готовилась к новой войне с Польшей, и выступление России на стороне последней было не в ее интересах. Поэтому шведы отказались от своих территориальных претензий, оправданных этнографической, языковой и географической принадлежностью Ребол и Поросозера к Западу. Протокол демаркационной комиссии был подписан в 1621 году. Северная Карелия получила границу, навечно разделившую карельский народ. Правда, уже в результате последних войн с Советской Россией Финляндия была вынуждена отказаться еще и от восточной части Иломанского погоста, составлявшей треть Иломанских земель.

Массовое бегство православных в 1617 - 1650 гг.

По условиям мирного договора 1617 года, Швеция, исповедовавшая лютеранство, гарантировала православному населению свободу вероисповедания, однако, в действительности все вышло иначе. Православных считали неблагонадежными подданными и, подвергая гонениям, насильно обращали в лютеранство. С 1617 по 1650 год из Кексгольмского лена в Россию бежало свыше 25000 карел, при этом только лишь из Иломантси в Россию переселилась 241 православная семья - в общей сложности 1252 человека, 81 из которых, по данным Вейо Салохеймо, осел в Реболах. Часть осталась в селе Иломантси, в деревне Сонкая, а также в восточных и южных частях Иломанского погоста.

Поскольку при преобладавшем в то время подсечном земледелии владение земельными наделами было необязательным, оставить небольшие поля и бежать за границу, взяв с собой скот и все движимое имущество, было не так уж и трудно. Массовому переселению способствовали также неурожайные годы и освобождение от уплаты налогов на 7 лет, дарованное переселенцам в Олонецкий край российским правительством. Опустевшие дома заселялись жителями Саво и Выборга, бежавшими от воинской повинности и уплаты налогов. Среди переселенцев 17-го столетия, практически полностью изменивших облик населения Иломантси и превративших этот край в лютеранский, был и родоначальник рода моей матери, кантор Хейкки Мононен.

Бегство братьев Хомонен из Иломантси

По семейным преданиям, трое братьев Хомонен бежали из

Иломантси, спасаясь от гонений на православных. Один из них осел в Реболах, двое других продолжили путь к Паданам и Ухте. О продолживших путь братьях больше ничего не известно. Также отсутствует какая-либо информация о том, когда именно Хома поселился в деревне Конечостров – на мысу, и после падения коммунистического режима называемом Хомозенниemi (мыс Хомонен). Позже жителей с фамилией Хомонен стало так много, что часть из них во избежание путаницы была вынуждена сменить фамилию на Маркканен и Марккинен.

В русской поземельной книге (переведенной на шведский язык) за 1618 год упоминается запись, связанная с деревней в 7 дворов, под названием Сонкая, расположенной в Иломанском погосте: (1614) Илья Хоманпойка (сын Хома) $\frac{3}{4}$. В шведском списке времен русско-шведской войны 1656-1658 гг. говорится о двух семьях, бежавших из Сонкая. Одной из этих семей была семья Маркока Илиалакси (Markoka Iialaxi), или Маркока Илианлахти (Ильина).

Сопоставляя даты и события, можно довольно убедительно доказать, что в деревне Сонкая, являющейся одной из старейших в Иломантси, проживали основоположники рода Хомонен, записи о которых встречаются, по крайней мере, с 1550 года. Ими были: Хома, его сын Илья Хома и внук Маркока Хома, который после нескольких лет лишений и гонений бежал в 1656-1658 гг. из Иломантси с семьей и двумя братьями. Именно Маркока Хома осел в деревне Конечостров Ребольской волости, в то время как два других брата продолжили путь к Паданам и Ухте.

Когда и каким образом к фамилии Хома было добавлено окончание –нен, можно только догадываться. Сделали ли это в Иломантси, подчиняясь лютеранскому давлению? Или в Реболах, опасаясь того, что царские власти заставят-таки добавить к фамилии Хома русское окончание –ев?

Численность населения и количество дворов Ребольской волости в 1679-1850 гг.

В 1679 году в Ребольском погосте насчитывалось 23 деревни, 220 дворов и 1180 человек. Определяя численность населения Ребольской волости до 1745 года, следует количества лиц мужского пола умножать на два. Самые большие деревни, такие, как Колвасозеро, Реболы, Ровкулы, Конечостров и Тууливаара, имели, как минимум, 15 дворов и располагались вдоль водных путей. В деревнях поменьше, в Лендерах, Луовутсаари, Киимасваара, Чолки и Туужение, насчитывалось, как минимум 10 дворов. Совсем

маленькими, почти безлюдными деревеньками были Луузинги, Мууярви и Пенинга. Старейшими поселениями на территории Ребольской волости являлись Гафостров, Емельяновка, Короппи, Кипо, Севастьян и Суулаансаари, к более поздним поселениям относились Короли и Тунтулы.

Деревня / Год	1679	1726	1745	1762	1832	1850
Реболы	30/75	9/50	../52	../212	14/109	16/149
Вирда	3/9	-	-	../4	5/30	5/32
Каскенниemi	-	-	-	-	1/9	2/6
Яниссалми	-	-	-	-	1/10	1/5
Челки	10/28	3/16	../21	../71	9/93	11/62
Туужение	13/28	3/20	../14	../83	9/64	11/78
Верхняя Киимасваара	6/19	-	-	-	6/49	5/41
Киимасваара	10/27	6/30	../15	../77	9/76	10/83
Лендеры	14/49	6/31	../15	../77	9/76	10/83
Кипо	9/25	6/15	../5	../39	3/34	3/42
Пенинга	-	-	-	../18	2/8	¼
Аймолахти	-	-	-	-	-	1/3
Левеаниemi	-	-	-	-	1/5	1/7
Короли	-	-	-	-	1/9	1/9
Лувутсаари	12/40	2/11	../9	../19	3/24	4/22
Суулаансаари	4/11	2/8	../8	../19	2/25	3/30
Вуосниemi	1/5	1/3	../4	../25	2/14	2/10
Гафостров	6/9	1/7	../9	../32	3/27	5/20
Севастьян-наволоок	4/16	2/13	../5	../55	9/51	10/48
Емельяновка	3/3	1/4	../5	../37	11/83	10/78
Конецостров	15/50	3/13	../18	../91	9/64	11/79
Ровкулы	16/54	3/13	../14	../35	11/76	12/104
Руунаа	5/8	1/6	../8	../21	1/10	1/7
Колвосозеро	25/51	3/29	../18	../122	14/117	18/123
Короппи	-	1/3	../1	../19	4/27	4/22
Лужма	5/10	-	-	-	5/37	6/40
Луузинки	3/3	1/4	../1	../21	-	1/11
Тулосозеро	-	1/1	../1	11/13	4/30	4/30
Тууливаара	15/48	-	-	../19	3/17	4/13
Риикозениemi	-	-	-	-	7/50	965
Тунтулы	-	-	-	-	2/14	3/20
Мууярви	8/9	2/23	../10	../85	7/56	9/55
Салмиярви	3/10	-	-	-	-	-
Итого	220/587	57/300	../233	../1241	168/1253	182/1379

До 1745 года в таблице только жители мужского пола

За неполные двести лет численность населения Ребольской волости выросла с 200 до 1379 человек. Тот факт, что количество дворов уменьшилось при этом на 38, т.е. до 182, свидетельствует о том, что люди для облегчения налогового бремени жили большими семьями. В среднем, на семью приходилось 7.5 человек, значительную часть составляли хозяйства из 10 человек.

Занятия ребольцев в 1597 – 1850 гг.

Источником средств к существованию населения северной части Олонецкой Карелии было комплексное хозяйство, значительная роль в котором отводилась использованию природных ресурсов. Согласно окладной книге 1597 года, местные жители занимались подсечным земледелием, возделывая рожь, косили на естественных лугах траву, заготавливая корм для домашних животных, а также, в первую очередь для домашних нужд, ловили рыбу и охотились. На средства, полученные от продажи пушнины, покупали зерно на рынках Беломорья, Онежского края и Финляндии.

Столетием позже большинство ребольцев были зажиточными крестьянами. Бедняки, или бобыли, составляли лишь 7,8% мужского населения. Ведение хозяйства значительно усложняли неурожайные годы, рекрутские наборы и, налоги, а также принудительные работы на Олонецких заводах. Некоторые крестьяне бежали от возложенных на них обязательств в леса, где подсекали и выжигали под пашни лес, занимались рыболовством и охотой.

К 1760 году повсеместно распространился трехпольный севооборот. Помимо ржи, ребольцы стали выращивать пшеницу и гречиху, а спустя еще 100 лет – репу и картофель. Коров держали в каждом доме, а вот лошади были далеко не везде. Другими важными источниками средств к существованию были охота и рыбный промысел. Дичь отвозили на продажу в Шуньгу, рыбу – в Каяяни. Появилось больше возможностей для отхожего промысла: перевозка грузов, лесосплав или батрачество у зажиточных людей. Довольно большая, по сравнению с другими районами севера Олонецкой Карелии, часть мужского населения занималась корабельничеством в Финляндии.

Собирание народной поэзии в Реболах

Север Олонецкой Карелии, и в особенности Реболы, собиратели

карельского фольклора стали посещать с 30-х годов 19 века в надежде найти здесь рунопевческие деревни, подобные тем, что были в Беломорской Карелии. Сначала Реболы посетил Элиас Лёнрот, позже здесь побывал М. А. Кастрен.

Первым же, кто действительно занимался собиранием народной поэзии в этой части Карелии, был Д. А. Д. Европеус, трижды приезжавший в Реболы и обошедший волость вдоль и поперек. Он, подобно Элиасу Лёнроту, искал руны, которые можно было бы добавить в готовившийся к новому изданию эпос «Калевала». Спустя 40 лет в Реболах побывали Бернер, Борениус, Генец и еще четверо собирателей карельского фольклора. У них сложилось весьма благоприятное впечатление о местных жителях, причем, особой похвалы со стороны гостей удостоились карельское гостеприимство и дружелюбность, а также чистота домов.

Надежды собирателей народной поэзии сбылись сверх всяких ожиданий, поскольку добрая треть рун, собранных в Олонецкой Карелии, была записана в Реболах. Свои сказители были в 12 из 26 ребольских деревень - в общей сложности 33 человека. От 21 из них было записано множество эпических рун, сказок и заклинаний, от 12 – лишь некоторые образцы народной поэзии. Уникальным в своем роде был самый известный во всей Олонецкой Карелии сказитель из деревни Емельяновка Симана Кюёттине или Кюётти. От него было записано 26 эпических и лирических рун, свадебных песен и заклинаний. - в общей сложности свыше 3 200 стихов. Кюётти был так же известный заклинатель (т.н. *patvaska*), ясновидец и целитель. Такие же образцы народной поэзии были записаны и с сына Кюётти - Коноя. Последний, как и его отец, тоже был колдуном. В роду Кюёттиных сказители были среди представителей четырех поколений.

Решение о присоединении к Финляндии

В конце зимы 1918 года в Реболах установился коммунистический режим, однако, столкнувшись с насилием со стороны большевиков, наиболее образованная часть населения отказалась от революционных планов. На большом всенародном сходе, проходившем 2 и 3 августа 1918 года, было принято решение о присоединении к Финляндии. На собрании присутствовал представитель финского правительства Лаури Ханникайнен. Управление Реболами должно было осуществляться по финляндским законам. 40 процентов ребольских земель следовало

раздать крестьянам, 25% – передать в общее пользование общинам, и, наконец, оставшиеся 35% - Финляндии на общие расходы и для проведения культурно-просветительских работ. К финскому правительству обращались с просьбой о строительстве и ремонте дорог, об освобождении на 30 лет от воинской повинности, о предоставлении денежного займа и о поставках зерна.

31 августа 1918 года, после того, как финское правительство приняло выдвинутые всенародным сходом условия присоединения, в Реболах провели второе собрание, в ходе которого были утверждены постановления предыдущего схода, а также принято решение о приглашении в Реболы финских войск для защиты территории. Финское правительство вывело свою политику в отношении Карелии на официальный уровень, основав 1.9.1918 года Восточно-Карельский комитет для управления волостями, находившимися под протекторатом финляндского государства.

Войска прикрытия и гражданское управление

Для защиты Ребол на территорию волости в сентябре 1918 вступил отряд из 50 пограничников, под командованием прапорщика Вальде Сарио. Позже численность войск прикрытия увеличили до размеров батальона, однако, в октябре 1920 года в Реболах было лишь 60 финских солдат. В их задачи входило строительство укреплений, поддержание в должном состоянии линий телефонной связи и содержание застав в Мууярви, Емельяновке и Луовутсаари, а также разведка в ругозерском направлении, помощь русским беженцам - сторонникам белого движения - и доставка в Финляндию красных финнов.

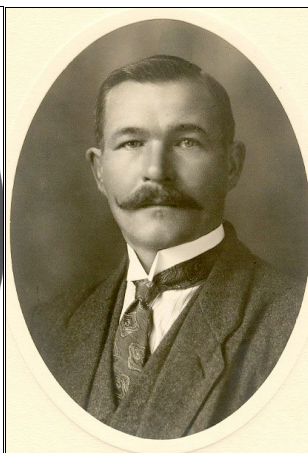
Прежде всего, в Реболах была организована доставка почты, сформирована полиция, выбран ленсман, назначены доктор и медицинские сестры. Были также построены дорога и линия телефонной связи, соединяющие Реболы с финским населенным пунктом Лиекса, а позже и с деревнями Емельяновка и Поросозеро. Согласно финляндским законам, были выбраны совет сельской общины, коммунальная и продовольственные комиссии, дирекция школ и церковный совет. Непосредственно через два года началось быстрое развитие в общественной и экономической областях. Численность населения Ребольской волости составляла неполных 2400 человек.

Поначалу председателем сельской общины был Вальде Сарио,

затем на этом посту его сменил Пекка Кюёттинен. Главой коммунальной комиссии стал Ф. В. Нетсаянен. Председателем продовольственной комиссии после двух неудачных попыток был выбран Пекка Хоманен. Осуществление налогообложения было невозможным из-за бедности жителей общины. Выплата заработной платы чиновникам, ремонт дорог и школ, сельскохозяйственные ссуды финансировались за счет продажи леса, а также за счет займов и субсидий, предоставляемых финским государством.

Пекка Кюёттинен

Ф.В. Нетсаянен

Пекка Хоманен

Школьным инспектором был выбран учитель из Финляндии Василий Петро. На территории волости были основаны сначала одна, а затем и вторая, школа высшей ступени и девять школ низшей ступени. Кроме того, 2 года успела проработать и семинария для подготовки учителей начальных классов, выпустившая 12 педагогов, среди которых была и Анни Гертзин/Хоманен, работавшая в 1920 году учительницей в концевостровской школе.

Продовольственные товары и сельское хозяйство

Ситуация с продовольствием, сложившаяся в Ребольской волости, была очень сложной. Урожая общины хватало лишь на 3-4 месяца. Единственным средством, помогавшим ребольцам выжить, была

помощь, получаемая из Финляндии. Однако, помощь эта предоставлялась ребольцам займы, а не безвозмездно. Благодаря зерну, купленному на деньги финского займа и пожертвованному финскими земледельцами, дотягивали до лета. Нуждающимся раздавали по десять килограмм муки на человека в месяц, мясо же и масло получали только работающие на лесозаготовках и ремонте дорог. Позже ситуация с продовольствием стала налаживаться.

Развитие и без того примитивного земледелия затрудняло отсутствие техники. Легко осушаемые болота оставались нетронутыми, а почва вокруг деревень была в основном оскудевшей. Площадь обрабатываемых земель в общине составляла 637 га – на них выращивали все пищевые злаки, кроме пшеницы, а также репу и понемногу картофель. В каждом хозяйстве обычно были лошадь, 2-5 коровы, несколько овец, свинья и курицы.

С целью оживления сельского хозяйства предоставлялись ссуды для постройки домов, возделывания и дренирования земель, покупки сельскохозяйственной техники и посевного зерна. Быстро развивалось консультирование по вопросам огородничества, сельского хозяйства и дренирования болот. Наибольшего успеха добились в Конечострове, где уже весной 1919 года и в школьном хозяйстве, и у крестьян были свои огороды, а к осени 1919 были осушены болота в несколько гектаров.

Землевладение и лесоторговля

Лес, в царское время являвшийся казенным, теперь отошел во владение финляндского государства. Леса, принадлежавшие сельским общинам, оставались в общем пользовании крестьян. Каждый житель общины мог использовать его для своих хозяйственных нужд и в качестве выгона для скота. Правом владения и пользования полями обладали индивидуальные хозяйства. Община могла продать 75 000 стволов, однако, покупателем в данном случае могло быть лишь государство. Таким образом пытались воспрепятствовать проникновению в ребольские леса крупных лесозаготовительных фирм и компенсировать предоставляемые Финляндией субсидии и займы. Право покупки общинных лесов предоставлялось финскому государству на 5 лет.

Поскольку торговля лесом не обеспечивала жителей ребольской волости необходимым количеством рабочих мест, для покрытия

крупных кредитов, предоставляемых общиной ее жителям, необходимо было расширение площади отведенных на продажу лесов за счет земель, находившихся в общем пользовании. После продолжительных споров Восточно-Карельский комитет дал-таки разрешение на продажу общинных лесов осенью 1919 года. На аукционе по продаже леса и при заключении отдельных сделок удалось продать 80 000 стволов из деревенских и 18 000 – из общинных лесов. В результате, деревни и община получили около миллиона марок. Вырученные таким образом деньги были разделены между жителями деревень с учетом количества душ в хозяйстве.

Тартуский мирный договор 1920 года

В ходе начавшихся по предложению советской стороны Тартуских мирных переговоров Советская Россия выразила готовность отказаться от Петсамо в обмен на Ребольскую и Поросозерскую волости и некоторые острова в Финском заливе. Район Петсамо был, по мнению финнов, экономически более выгодным, чем вышеназванные волости, поэтому Финляндия согласилась на обмен. Согласно мирным соглашениям, подписанным 14 октября 1920 года, Финляндия должна была в течение 45 дней с момента вступления договора в силу 1 января 1921 вывести свои войска с территории Ребол и Поросозера, присоединявшимся к получившей право на самоопределение Карельской Трудовой Коммуне.

В протоколе переговоров русские гарантировали Реболам и Поросозеру специальные права. Например, за порядком на этих территориях в течение двух лет могла следить их собственная милиция, а жители данных волостей имели право в течение года покинуть Россию со всем движимым имуществом. Вся недвижимость же оставалась советской власти.

Несмотря на бедственное положение, сложившееся после заключения Тартуского мирного договора, ребольцы пожелали сохранить свое право на самоопределение. Уже 25 ноября 1920 года на съезде представителей Ребольской волости были упразднены созданные согласно финляндским постановлениям муниципальные образования, и одобрено положение о самоуправлении в Ребольской волости, по которому все полномочия и функции Восточно-Карельского комитета переходили к ребольскому органу местного самоуправления – комитету, состоявшему из 12 человек. В распоряжение ребольского комитета

переходили все воинские силы, и в его обязанности входила защита волости.

Осуществление созданного на скорую руку плана обороны Ребол (т.н. план «медвежьей берлоги») приостановилось, после того как от случайного выстрела погиб один из представителей военного руководства Пааво Хёттёнен, а 4 днями позже выстрелил в себя ребольский ленсман Бобби Сивен якобы ради искупления ошибки, совершенной Финляндией в отношении Карелии. Часть привезенных в Лиексу и Реболы ружей и патронов конфисковали по распоряжению министерства иностранных дел Финляндии, другая часть перешла в пользование волости. Последние финские солдаты покинули Реболы 12 февраля 1921 года. За порядком и безопасностью в волости осталась следить созданная в Реболах вооруженная милиция из 50 человек.

Большевики наступают

Пекка Кюёттинен рассказывал в своих воспоминаниях: «Специальные права, предоставленные ребольцам на 2 года, вскоре закончились, поскольку 2 марта 1921 года в Реболы прибыли комиссар Федор Поттонен (из деревни Гафостров Ребольской волости), коммунист Михейев а также представитель красных финнов Куусинен, и потребовали передачи полномочий ребольского комитета, а также запасов продовольствия и денег революционному комитету. Представители ребольского местного самоуправления отказались сделать это, ссылаясь на специальные права, предоставленные ребольской волости на 2 года, однако согласились созвать съезд. На съезде Поттонен выдвигал дерзкие требования и толковал тартуский мирный договор, утверждая, что специальные права предоставляются Реболам лишь при условии их присоединения к Карельской Трудовой Коммуне.

В течение двух часов он твердил о грядущих мировой и финской революциях, свидетельства приближения которых были налицо. Его речь вызвала такую сильную критику, что за ним последовало ни много ни мало 288 выступлений. Практически единогласно было принято решение, согласно которому с территории волости удалялись чужие солдаты, агенты коммунистов и комиссары, сохранялся созданный в ноябре порядок, и не признавалось Карельская Коммуна.

Спустя 2 недели после съезда советский отряд из 100 человек

окружил деревню Мууярви (Муезерка), а на следующий день занял Емельяновку, привезя с собой 44 килограмма военного снаряжения. Во избежание кровопролития ребольская милиция отступила к деревне Тууливаара, расположенной в непосредственной близости от финской границы. Командир красных захватил в плен приглашенных на переговоры представителей ребольцев и пообещал освободить их в том случае, если милиция сложит оружие. Опасаясь ловушки и пленения, большая часть ребольской милиции бежала в Лиексу».

Ссылаясь на обещания, данные русскими в дополнительном протоколе тартуского мирного договора, Кюёттинен писал: «По нашему мнению, мы, ребольцы, действовали в согласии с правами, дарованными нам мирным соглашением. Нашим утешением служит то обстоятельство, что в свое время мы делали свое дело так, что не принесли несчастья грядущим поколениям».

Начало коммунистического режима и эмиграция

Сопротивление Карельской Трудовой Коммуне, образованной в 1920 году, продолжалось в Реболах долгие годы. Комиссар Федор Поттоев (Поттонен) писал, что присоединение волости к коммуне оказалось гораздо более сложным делом, нежели представляли себе в Петрозаводске. Население относилось к красным с враждебностью и не доверяло им. Запланированные мероприятия проводились поначалу лишь на бумаге.

В течение 1921 года из Ребол бежало около 300 человек – 14% всего населения волости. Большую часть среди беженцев составляли женщины и дети до 16 лет. Наибольшее количество людей уехало из Ребол, Колвасозера, Конечострова, Емельяновки, деревень Тууливаара, Севастьян и Киимоваара. У многих в ребольской волости остались родители, а хозяйство перешло во владение родственников. Позже либо его либо распродали на аукционе, либо раздали бедным. Из Конечострова, где остался только что выстроенный дом, две старых избы и хозяйственные постройки, бежала в последний день года моя бабушка, Агафья Хоманен, с шестью сыновьями, среди которых был и мой отец Симо, с внуками – детьми одного из сыновей - и с семьей дочери Насти Романайнен. 40 километров они проехали на лошадях, границу с Финляндией пересекли на лыжах в районе Киекинкоски, и, переночевав, продолжили путь до Кухмо, где беженцам предоставлялось временное жилье.

После амнистии, обещанной советской властью, пятая часть ребольцев, бежавших в Финляндию, вернулась обратно. Так, уступая требованиям своего мужа Давида, в надежде на полную амнистию вернулась в Реболаы и моя тетушка Настя с семьей. Однако, ее муж, по предательству собственного брата Мика, был схвачен и, вероятно, расстрелян. Семья тетушки была раскидана по Сибири и в районе Кочкомы, где бесследно исчезла. Семья другой моей тетушки Катри Ехкимяйнен не уезжала в Финляндию, однако, и ее муж Федор и несколько сыновей были арестованы. Из всей семьи тетушки Катри, мне довелось повидать лишь двоюродную сестру Марию Ефимову (Ехкимяйнен), с которой я встречался в Финляндии и в Петрозаводске, и дочь похороненной в Реболах двоюродной сестры Анни – Веру Тёрхонен (Тергуеву), с которой я встречался в Реболах. Все остальные мои двоюродные братья и сестры либо пропали без вести, либо умерли.

Жизнь в коммуне началась с голода, хозяйственной разрухи и безработицы. Через Финляндию не поставлялось достаточное количество продовольствия, засолка рыбы на зиму не представлялось возможной из-за того, что не хватало даже соли. Ситуацию усложняли неурожайный год и прекращение лесозаготовок. Половина населения страдала от голода, а у комитета не было хлеба для раздачи нуждающимся. Положение улучшилось, когда через Финляндию стали поставлять зерно, а из самой Финляндии беспопшлинные продовольственные товары. Наиболее ощутимое улучшение произошло тогда, когда ребольцы, возвратившиеся на родину из Финляндии, привезли с собой рабочие инструменты, 220 лошадей, 849 коров, 150 телят и 920 овец.

Согласно подсчету, проведенному летом 1925 года, в Ребольской волости проживало 1955 человек, из них лишь 844 мужчины и 1111 женщин. Немногочисленные ряды партии составляли приезжие из других мест и финские рабочие, не понимавшие жизни крестьян. Первыми советскими руководителями были красные финны Манер и Маркконен. Власть Советов и партии осуществлялась солдатами. Из 16 членов волостной партийной организации только трое были гражданскими людьми, да и те – красные финны.

Уже весной 1921 начались в Петербурге и завершились в Хельсинки переговоры о продаже и сплаве древесины. На протяжении нескольких следующих лет было подписано несколько

контрактов, в том числе и с акционерным обществом Repola Wood Ltd. Объемы лесозаготовок в значительной степени превышали дореволюционные. Лесоторговля предоставляла рабочие места для трудоспособной части населения, и уровень жизни заметно улучшался. Заработная плата возчика составляла 29 кг, рабочего-лесозаготовителя – 12 кг, и сплавщика – 8 кг ржаной муки в день. Площадь обрабатываемых земель уменьшилась с прежних 637 гектаров до 378 га.

Ребольцы стали более активно участвовать в решении своих проблем. В выборах деревенских и районного советов приняли участие 57% населения, ранее – 38%. Возникла даже конкуренция между местными жителями и приезжими. Большинство мест в исполнительных органах и деревенских советах получили местные, однако, ключевые посты в руководстве оставались в руках красных финнов.

Благодаря осуществляемой правительством Гюллинга политике «приграничных территорий» жители Ребольской волости получали повышенную норму зерна, чая, кожи и тканей. В целях предотвращения контрабанды из Финляндии завозили пользовавшиеся наибольшим спросом пьексы, сукно, фланель, кофе и т.д. Для расширения рынка услуг пытались основывать лесопильные заводы, различные цехи и ремонтные мастерские. Ребольский диалект разрешалось использовать лишь в устной речи, на письме же пользовались финским языком. Во всех 11-ти школах ребольской волости продолжалось преподавание на финском языке.

Начало притеснений

Мирный период не продлился долго, так как в конце 20-х – начале 30-х годов центральное руководство партии приступило к «генеральной репетиции 1937 года». По всей стране началась насильственная коллективизация, поскольку крестьяне отказывались вступать в колхозы. Вопрос стоял об уничтожении кулачества. Из 360 хозяйств Ребольского района кулацкими были признаны только девять. Центр дал определение кулацким хозяйствам, однако, для того чтобы распоряжения центра были непременно выполнены, карельские власти увеличили список признаков кулацкого хозяйства. К таковым относились: использование труда наемных рабочих, наличие в хозяйстве мельницы, кожевенного завода или маслодельни, сдача в аренду

помещений, земли, лодок и орудий охоты, торговля, нетрудовые доходы (как, например, у священнослужителей) и т.д. Для зачисления в класс кулаков достаточно было наличие хотя бы одного признака.

Коллективизация, проведенная в Реболах, была самой жестокой и кровавой во всей Карелии, поскольку у ребольцев были конфискованы скот, жилые и хозяйственные помещения, запасы продовольствия, кормов и семян, а также деньги. Кулаков разделили на три разряда: принадлежавших к первому разряду арестовывали и отправляли в лагеря или расстреливали; ко второму – осуждали на собраниях колхозников и бедноты и ссылали на отдаленные территории, к третьему – ссылали по решению местных властей. Из-за связей с живущими в Финляндии родственниками или речей, направленных против колхозов, любой крестьянин мог оказаться кулаком первого разряда и расстрелян, а его семья выслана – чаще всего на восток Пудожского района. Кроме всего прочего, в хозяйствах, признанных кулацкими, урезалась и площадь земельных наделов.

В 1931 году процесс объединения 354 частных хозяйств в 19 колхозных был ускорен арестами 13 человек. Первый колхоз назывался Юритюс (от фин. *yritys* – замысел, предприятие). Доход от колхозов, присоединение к которым осуществлялось в принудительном порядке, был небольшим из-за плохого управления и высоких расходов правления и обслуживания. Руководство колхозами было слабым, трудовая дисциплина – плохой, к скотоводству относились с халатностью, отсутствовал бухгалтер, картофель и капуста замерзали на полях, не было спецодежды, керосина, спичек, махорки и соли. Продовольственные нормы были низкими, а цены высокими.

Закон Божий в школах был запрещен. В 1925 официально действовала лишь ребольская церковь, но и там богослужения проводились только по большим праздникам одним-единственным батюшкой, жившим впроголодь. Позже были закрыты «церкви» в Реболах, Конечострове и в Ровкулах. До 1938 удалось сохранить лишь некоторые часовни. В здании ребольской церкви устроили клуб для молодежи, возможно, что она использовалась и в качестве складских помещений.

Старая церковь в Реболах

Темпы репрессий нарастают

В 1932-1933 гг. ОГПУ Ленинградского военного округа развернуло кампанию по ликвидации белобандитов. Главными жертвами этой кампании оказались жители приграничных территорий. В Реболах арестовали 22 человека, один из них был расстрелян, остальные – осуждены на 5-10 лет тюремного заключения. Никто из этих 21 осужденных не вернулся домой, и 82 ребенка осталось сиротами. Позже изучение архивов военного трибунала показало, что обвинения были беспочвенными, и все осужденные были реабилитированы.

Чистка партийных рядов началась в Реболах в 1933 году с судебных процессов над 11-ю советскими и хозяйственными руководителями. Их обвинили в связях с живущими в Финляндии родственниками и объявили кулаками. Все они были уничтожены. Весной 1935 года пограничную зону расширили до 22-х, а осенью того же года до 50 километров. Для очистки данной территории арестовали 95 человек и сослали 363 семьи. Добровольно уехало 49 семей. Доля карелов среди жителей Ребол снизилась с 93-х до 64-х процентов.

В течение 10 лет преподавание в школах велось на финском языке. Когда обучение перевели на русский язык, оказалось, что им владеют лишь четверо из 16 учителей, а ученики старших классов отказываются от занятий. Школьные помещения были грязными, а мебель в классах обветшавшая, в окнах не хватало стекол, из-за недостатка керосиновых ламп учились в две смены лишь по 3 часа в день, ученики, проживавшие в интернатах страдали от грязи и

голода, к тому же были распространены воровство, попрошайничество и хулиганство.

В годы, предшествовавшие Зимней войне, положение Ребол было плачевным. Скот болел и погибал из-за отсутствия ветеринарной помощи и должного ухода, промышленный комбинат закрыли, лесопункты сначала сократили, а потом и вовсе упразднили, и колхозам пришлось отправлять своих рабочих в Ругозеро. 60% членов партийных организаций были дважды смещенные со своих мест чиновники. Колхозов осталось всего 13, и доля колхозников среди населения снизилась до 6%. Управление Ребольским районом было в основном в руках приехавших из других мест номенклатурных руководителей, а с приближением войны власть все больше и больше переходила к военным. Снижение численности населения и темпов экономического развития Ребольского района предвосхищали подготовку данной территории к масштабным военным действиям и к обмену на земли Карельского перешейка.

Беженцы в Финляндии

О том, как обращались с беженцами из Карелии в Финляндии, как у них проходила адаптация к новым условиям жизни, не говорится в объемной «Истории села Реболы» («Aunuksen Repola»), вышедшей в свет в 2001 году. Поначалу некоторые из беженцев подверглись дискриминации при получении финского гражданства. Летом 1925 года в Финляндии находилось 243 эмигранта из Ребол, большая часть которых были занимавшие видное положение поборники ребольской назависимости, а также члены их семей и родственники. Они были просвещенными и трудолюбивыми людьми, и, несмотря на недружелюбное отношение местных жителей, довольно быстро приспособились к новым условиям жизни в провинции Кайнуу и в Северной Карелии.

Старшие из братьев Хомонен, Василий и Микко, приобрели землю в Кухмо, расположенном недалеко от границы с Реболами, и стали земледельцами и рыбаками. Самый младший, Сантери, работал заведующим магазином, в том числе и на территории Лиексы. Лишь три представителя рода Хоманен вернулись спустя 300 лет на земли предков в Иломантси. Пекка с 1927 года был торговцем в селе Иломантси, продолжая заниматься торговлей и рыболовством в Хухуксе. Юсси всю жизнь, начиная с 20-х годов, проработал в Иломантси строителем-подрядчиком.

Только в возрасте 70 лет мне стало известно то, как исключительно грубо вели себя доверенные лица в моем родном селе Иломантси. Мой отец Симо закончил автошколу в Похьянмаа в 1920 г. и долгие годы работал в Иломантси водителем грузовых машин. Там он женился в 1932 году на моей матери Ханне Мононен, построил на 45 гектарах земли, унаследованной ею, дом, обработал еще несколько гектаров земли и произвел на свет троих детей.

Он ходатайствовал о финском гражданстве, и министерство внутренних дел вернуло резолюцию на его прошение в Иломантси. В копии решения от 8 января 1936 года написано буквально следующее: «Муниципальная комиссия решила не удовлетворить ходатайство, поскольку есть опасения, что данное лицо окажется на попечении комиссии по призрению бедных». Муниципальный совет также вынес отрицательное решение количеством голосов 13-9. Президент Свинхвуд оказался более гуманным, даровав права гражданина 29 мая 1936 года, правда, условием их получения было принесение присяги на верность финскому государству в Куопио у губернатора.

Фотография, сделанная примерно в 1950 г. в Ахониemi, Кунмо.

Слева направо:
Сантери, Пекка,
Агафья, сын Сантери -
Тайсто, Микко и Симо
Хоманен. Из шести
бежавших в Финляндию
братьев на фотографии
отсутствуют Василий и
Юхо.

Пикарила в д. Риикозенниemi в 1941 году

Дом Ииваны и Мииккулы Хуурейнених в д. Ровкулы в 1941 году

Дом Васселея Павлова в д. Концеостров в 1941 году

Деревня Киимасваара (слева – часовня) в 1941 – 1943 годы

Деревня Туужение в 1941 – 1943 годы

Деревня Концеостров в 1941 году